

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Когда Лисе было 19. Часть 1

Я сидела на оледенелой скамейке уже полчаса. Единственная мысль, бившая в голову, была совсем не о том, что я собиралась сделать этим снежным декабрьским вечером. Жутко хотелось курить. И сигареты лежали в кармане. Но я не шевелилась. В этой слабенькой ломке была своя прелесть.

— Здорово, Лиса, — Леха бухнулся рядом. — Ну че?

Я скривилась от бомжеватого запаха ударявшего в нос, и повернулась к своему давнему знакомому. Он ухмылялся во все свои 15 зубов, отчего у меня возникло непреодолимое желание расцарапать его ухмыляющуюся рожу в кровь.

— Все путем. Как у самого? — спросила вместо этого.

— Все в ажуре, детка, — он положил свою лапищу мне на плечо, — тачка на месте.

Обнимашки вызвали желание прибавить к расцарапанной роже выскобленный глаз, но я сдержалась, как обычно.

— Тогда пошли, времени в обрез, — сказала я, поднимаясь. Леха, поднялся следом и продолжал лыбиться. Но я чувствовала его нервозность, заставляющую его почти пританцовывать на месте. Он хотел выдать это за азарт и нетерпение, а я нутром чуяла страх. Уебок.

Мы двинули в сторону озера. Район этот был новый, самая окраина города, и везде были новостройки или строительные площадки, чуть дальше начинался пролесок огибающий озеро, по ту сторону которого, был другой спальный район. В новом районе даже приличного магазина еще не было, все ходили через озеро и пролесок, протоптав приличную тропу, по которой могла проехать даже машина. Был и другой цивилизованный путь с фонарями вдоль шоссе, только кто ж в русских селеньях пойдет в обход, когда есть пусть напрямую? Даже зимой, когда чертовски рано темнеет...

Как только мы вошли в лес, и заснеженная крона деревьев скрыла нас от возможных наблюдателей из окон примыкающих домов, я немного расслабилась, поймав себя на том, что Лехина нервозность передалась и мне. Всегда знала, что дебилизм заразен. Долго идти не пришлось, уже через пару минут мы наткнулись на грязно серую машину хрен знает какой марки, стоящую в снегу.

— А ты уверен, что она двинется с места? — спросила я.

— Сдвинется на раз, — ответил Леха, и, пожав плечами, добавил, — а если что — подтолкнем. Я представила, как выскабливаю голыми руками его второй глаз, и только этот милый образ, немного охладил вспыхнувший гнев.

— Угу, охуенная идея — толкать тачку. Может, еще прохожих попросим помочь?

— Не кони, — Леха открыл багажник и достал лопату, — ща в две сек сделаем все как надо. Он принялся разгрести и утрамбовывать снег, успевший выпасть за то время, что тачка простояла в лесу. Благо его было не так много, и появилась надежда не застрять. Через пять минут дело было сделано, и Леха спросил:

— Сколько еще?

Я достала мобильный и глянула на экран.

— До автобуса полчаса. Думаю у нас где-то около 15 мин.

Леха спрятал лопату в багажник и стал нервно топтаться рядом. Мимо прошел мужик с

собакой и покосился на нас. Я повернулась к нему спиной, частично прикрыв Леху. Уже темнело, и я не очень переживала, что нас кто-то может рассмотреть. Да и прохожие были редкостью, все таки у большинства хватало мозгов по темноте тут не шляться. Но были и такие, кто как обычно променивал здравый смысл на пять минут экономии. Такие как Саша, которая как раз показалась на тропинке.

— Спрячься, — кинула я Лехе.

Тот молча зашел за стоящее рядом с машиной дерево.

Я втянула холодный воздух и медленно выдохнула. Я знала Александру Акунину большую часть своей жизни. Жили в одном доме в разных подъездах, делили балкон. Пару раз я даже его перелазила, искав укрытие от очередного мамашинного дружка, ну или в надежде просто пожрать. Эти меня всегда жалели. Кормили, мазали йодом порезы, клали лед на ушибы и писали заявления к участковому. Благодаря этим заявлениям я и попала первый раз в детдом. И все что потом в этот детдоме случилось в моем пришибленном мозгу навсегда связалось с Акуниными, крепко так связалось. Но злость свою я никогда не озвучивала. В конце концов, сердобольная парочка все так же периодически меня подкармливала, и этого на тот момент было достаточно.

С их дочкой Сашей я почти не пересекалась. Когда была малой обосцаной трусихой, мне было ни до нее, я ничего вокруг не замечала. Но со временем я разобралась, как мало у меня общего с этой наивной курицей. Сначала меня это интриговало, потом долгие годы бесило до колик. Благо у меня хватало мозгов держать это при себе.

Горячая ненависть давно прошла. В конце концов девка не виновата, что родилась где родилась. Но что-то осталось. Что-то холодное и вязкое. Что-то что кричало, пусть и она узнает каково это. Но жизнь двигала своим чередом, мне стукнуло 19 и уже год как я была свободна от нежной заботы государства и любимой мамыши. Жила в другой части города и почти все забыла. А потом друг встретила Сашку в черном платке на остановке. Та кинулась мне на грудь, рассказывая, как родители разбились на машине. Я участливо кивала и глядела, как по холеному личику текли слезы. Я же еле сдерживала ярость. Сашке успело стукнуть 18, значит никакого детдома. Мало того, они только-только купили новехонькую квартиру, которая ей и досталось. И даже стипендия у нее была в этом ее Колледже Легкой Промышленности. Так чего ее жалеть? Нет родни? Зато есть свобода и бабло. Вот ведь везучая сука. Она опять получила на блюде все, о чем я только мечтала.

План созрел как-то сам собой. Просто все встало на свои места — меня погнали с работы и общаги, с очередным денежным трахальщиком разругалась в дрызг, и тот нашел себе более покладистую дырку. Потому вдруг объявился давний знакомый Леха, теперь употребляющий время от времени химвпрепараты и одержимый игральными автоматами, от чего задолжавший серьезным людям. А Сашка, с которой мы лениво поддерживали связь после той встречи на остановке, нашла подработку на зимние каникулы в другом городе. Сам черт велел...

— Сашка? — я удивленно вскрикнула.

Девушка остановилась и поставила тяжелую сумку на снег.

— Алиса, ты?

Терпеть не могу свое полное имя.

— Я. А ты что тут делаешь? Темнеет. — Сказала я, подходя.

Сашка кивнула на горящие огни района за озером:

— На автобус иду, на вокзал надо, еду в П... ск, помнишь я тебе о работе рассказывала?

— А, точно. Сумка у тебя тяжелая?

— Да, — Сашка потерла плечо, — тяжела зараза, но я на месяц еду, так что пришлось много чего взять, не будет возможности мотаться туда сюда. А ты что тут делаешь?

Я махнула в сторону машины:

— Да вот хотела срезать и застряла. Только-только разгробла.

— Вау, с каких пор у тебя машина?

— С недавних, — я улыбнулась, — Слушай, давай я тебя подвезу до вокзала раз такое дело.

Я затаила дыхание. Сашка ответила:

— Правда? Вот здорово! Так этот снег достал! А ты как, опытный водитель?

Мы двинулись к машине, и я положила ее сумку в багажник.

— Не бойсь, довезу с ветерком. Только садись сзади, а то спереди ремень заедает.

Сашка только успела сесть, как появился Леха и потеснил ее на сиденье за водителем. Я заперла двери.

— Вы кто? — захлопала глазами девушка.

— Это Алексей, мой друг, — кинула я спокойно.

— Здравствуйте, девушка, — захихикал Леха, — много о Вас наслышан.

Я аккуратно нажала педаль газа и машина тронулась с места. Сегодня везло, если бы застряли, все могло бы пойти наперекосяк. В зеркало заднего вида я глядела, как Сашка напряженно тырится на ухмыляющегося Леху. Не удивительно — бритая голова, следы застаревших побоев, зеленоватое лицо с синюшными провалами глазниц, общее впечатление опущенного отродья. Кстати, очень верное впечатление. Деваха наверное впервые в непосредственной близости от такого существа. А как он улыбнулся, так Сашка даже побледнела, от чего я не удержалась от ухмылки. Подожди, милая...

Сашка была так сосредоточена на Лехе, что не сразу поняла, что едем мы точно не в том направлении.

— Алиса, ты что, заблудилась?

Из города мы уже выехали, так что можно было не ломать комедию.

— Я, Сашенька, не заблудилась. Я, можно сказать, нашла свою стезю.

Девушка была наивной, но не окончательной дурой. Ночь, отморозок, дорога в никуда и мой тон наконец ее прошибли. Она нервно сглотнула, пытаясь поймать мои глаза в зеркале.

— Что все это значит?

Я молчала.

— Алиса! — крикнула она, пытаясь выглядеть грозной. Но голос сорвался, выдавая сцыкху с потрохами. Леха заржал. Он тоже чуял слабость за версту. И это его заводило. Он протянул руку и погладил девушку по золотистой головке. Та отпрянула и вжалась в дверцу.

— Не трогайте меня!

— Лиса, слышь, — прохрипел Леха, — бери пример с девушки. Вишь, как она мне Выкает уважительно? Не то, что ты, блядь языкатая.

— Она просто не в курсе, что уважать тебя не за что, Леха, — ответила я. — Ты ее давай начинай просвещать об этом.

Леха заржал и протянул обе лапы Сашке, та взвизгнула и стала брыкаться. Лехе это какое-то время даже нравилось, пока она не попала ему в какое-то больное место на его многострадальном носу.

— Блядь сука, — рыкнул он. Это был совсем другой тон и Сашка замерла, что впрочем, не спасло ее от хорошей оплеухи. Девка тихонько пискнула, а я заметила тонкую струйку крови из ее носа. Остаток пути мы ехали молча — Леха осторожно ощупывал свой ломаный-переломанный нос, Сашка не издавала ни звука и, кажется, не дышала.

Наконец мы въехали на территорию дачного кооператива, и стали искать дом, принадлежавший Лехиной покойной бабке. С домом нам подфартило. она целка? Я засмеялась:

— Ну, ты и дебил. Ей восемнадцать, а не восемь.

— Ну, она типа того, приличная. Эти типа берегут себя для муженька. Не лыбься, я так слышал.

— Не знаю, где ты эту хрень слышал. Но полюбому, если тебя это так волнует, то проверить это можно без проблем.

Леха покосился на запертую на засов дверь. Его медлительность и нерешительность начинала меня бесить.

— Ты чего, Леха, скукожился? Баба тебе оплеух надавала, вон рожа красная, а ты что, ждешь свечек и лепестков роз?

— Да блядь, не торопи меня. У меня блядь никогда целки не было. Я можно сказать с силами собираюсь.

— Силы? Целки? А может ты просто передумал? Может просто у тебя кишка тонка? — подняла я бровку вопросительно.

Леха резко вскочил и бросился к двери. Отвернув засов и распахнув дверь, оставил ее открытой. Из мебели там была только семейная кровать на скрипучих пружинах, пара старых кресел у противоположной стены, и небольшой столик между ними. Единственное окно — заколочено. Сашка сидела на кровати, сжавшись в комочек. Подняла заплаканные глаза. Даже окровавленная и опухшая от слез и оплеух, надо признать, выглядела она симпатично. Сука.

Я немного поменяла положение на диване, чтобы все видеть в открытую дверь.

Леха присел на краешек кровати:

— Мадмазель, у меня к вам вопрос. Ты целка аль нет?

Сашка напряглась, сообразив, куда это может завести. Она поймала мой взгляд за Лехиным плечом и завела:

— Алиса, что происходит? Что это значит? Чего ты хочешь? Ты ведь не...

— Эй, — вставил Леха.

Я поднялась и подошла к дверному косяку.

— Я много чего хочу, Сашка. Кое что ты мне можешь дать. Или я сама возьму. Решать тебе, но я бы выбрала первое. — она молча испуганно на меня смотрела, игнорируя мужика, сидящего у нее в ногах. Это, кстати, дало мне козырь.

— Но, — выдохнула она, — у меня ничего нет. Ты же знаешь. Родители... Я, у меня только стипендия и той еле хватает. Я ж поэтому на заработки...

— У тебя не хватает ни стипендии, а фантазии. — сказала я спокойно.

— Вы чего меня игнорите, суки — прохрипел Леха.

Ай, ай.

— Видишь, Леха, — перевела я взгляд на парня. — Ты с ней на Вы, а она сквозь тебя смотрит. Пустое ты для нее место. Взгляда не стоишь.

Леха покраснел. Его это доставало каждый раз. Почему у отребьев такое обостренное чувство достоинства? Он поднялся и двинулся на девку. Та только взглянув на него, закричала. И тут же получила затрещину, такую, что голова дернулась, и крик тут же оборвался. Леха стал стаскивать с нее куртку, потом кофту. Когда добрался до джинсов, Сашка немного оклемалась и стала гундосить:

— Нет, пожалуйста. Пожалуйста, не надо. Нет.

Я почувствовала, как по мне пробежала волна возбуждения.

Леха с трудом рвал на ней узкие джинсы. Эта мода в обтяжку всегда была проблемой в таких ситуациях. В конце концов, он не выдержал и достал финку из кармана.

— Ты ее это, не покромсай раньше времени, — вставила я. — А ты Сашка не дергайся, если не хочешь, чтобы он тебе вместе с джинсами сало отрезал.

Сашка замерла, мелко дрожа. Леха разрезал ей джинсы в паху, оставив штанины болтаться на ногах. Спрятал финку и положил лапу девке на белые труселя, поглаживая лобок почти нежно. Сашка шептала как заведенная:

— нет, нет, не надо.

— Чего медлишь, — кинула я. — Пизды не видел?

Леха глянул изподлобья и одним движением разорвал нежную ткань. Сашка вскрикнула. Леха звонко шлепнул ее по голой пизде:

— Тихо, тварь. — Он развел ей ноги, раскрыв взору красную пизду утопающую в светлых кудрявых лобковых волосах. — А ты и прямь бляндинка! Лепота!

Он звучно поцеловал ее прямо в губы... пиздючие в смысле. Романтик хренов. Сашка вдруг забилась и закричала во всю мочь, почти спихнув Леху со своего зада. Я схватила уже знакомую тряпку и, подскочив, стала запихивать кляп. Лешка пытался держать ноги:

— Вот блядь, сука! лежать, я сказал.

Но в Сашку как бес вселился. Мы вдвоем еле ее сдерживали. Я нагнулась и выхватила Лехину финку из его кармана, приставила девке к горлу.

— Слушай меня, чмо тупое. Кончай дергаться, если не хочешь, чтобы я тебе глотку ненароком ни вскрыла. — Сашка резко затихла, только вздрагивая всем телом от всхлипов. Лешка воспользовался ситуацией и запустил пальцы ей в пизду.

— Вот ведь шалава, — сказал разочаровано, поднимая к двери. — А я думал целка! Осторожничал, пылинки сдувал. Ты скольких трахнуть успела, а блядь?

Сашка само собой молчала.

— Принеси веревки — бросила я, держа нож прямо у местечка, где бьется пульс. Это так завораживало. Я погладила ее по голове. — Ты же знаешь, что сейчас будет, правда? Тебе лучше не дергаться, себе дороже будет. Мы за городом, вокруг ни души. Никто тебе не поможет. Никто не услышит твоих криков. Никто не обратит внимание, если мы сбросим тебя в навозную кучу у сарая и забросаем заледенелой землей до весны. Но мы ж не изверги. Ты нам нравишься живой и теплой. Целой желательно. Ты только повода не давай, ок? Глядишь и проживешь еще долго и счастливо.

Леха вернулся с веревкой и стал привязывать ей ноги к железным прожилкам изголовья. Я немного приподнявшись, допихала до упора кляп, и принялась делать тоже самое с ее руками. Вскоре все было готово. Мы встали с кровати и окинули плоды наших трудов. Сашка была живописно распята, пизда открыта и зазывающе доступна, штанины все еще болтались на ногах, майка с лифоном сбилась в пылу драки. Лешка наклонился и разрезал их по центру,

открыв взгляду две довольно большие сиськи с бледно розовыми сосками. Он ущипнул за одну и девка слабо дернулась. Леха хмыкнул и стал стаскивать штаны, оставив на себе облезлый свитер и носки, холодно все же.

— Ну так что, блядь, я у тебя какой по счету буду? — спросил он, забираясь на нее. Он водил лапищами в татуировках по ее телу, которое в контрасте было таким светлым и чистым, что это нас обоих завораживало. Я встала на колени у кровати и повернула ее к себе, убрала волосы с лица и заглянула в глаза. То, что я там увидела, стрельнуло волной возбуждение мне прямо в пизду. Я втянула воздух и улыбнулась ей.

Лехин короткий и толстый член уже во всю стоял. Он пристроился и стал вставлять. Сашка опять заплакала и натянула веревки. Я не отрываясь смотрела ей в лицо. Я хотела видеть ее глаза в этот ее первый раз.

Леха удовлетворенно выдохнул:

— Бля, хорошо как! Узкая! — он стал двигаться. — У твоих дружков образованных, небось, хуи маленькие, аккуратненькие? Небось, трахали они тебя нежно и осторожно? А сука? — он стал выкручивать ей соски. — Я ща тебе покажу, как надо трахаться. Я те покажу, что такое мужик.

Я хотела было вставить, что он уж очень далек от секс гиганта, но промолчала, боясь спугнуть момент. Вместо этого я во все глаза наблюдала за Сашкой, как ее большие сиски прыгают в такт ударам, как толстый Лехин член скрывается в ее светлых лобковых волосах, как она мычит каждый раз, когда он щиплет ей соски или отвешивает оплеуху, как она закрывает глаза, в надежде, что это всей ей снится. Я чувствовала, что сама теку. Одной рукой я все еще гладила Сашку по голове, а вторую, расстегнув ширинку, запустила себе в трусы и стала теревить клитор. Я была такой мокрой, что сама удивилась. Леха заметил мои манипуляции: — Лиска, — заржал он, — тебе нравится, детка?!

Мне он не нравился, но я промолчала, занятая своим делом. Он ускорился, видимо подходя к разрядке, мне же нужно было время или стимул. Рукой, которой гладила волосы, я забралась в Сашкину промежность, мимоходом погладила Лехин член пальчиками осторожно, потянула за яйца. А потом глядя Сашке в глаза, резко, со всей силы сдавила ей клитор, запуская свои отросшие ногти в нежную плоть, разрывая кожу. Сашка как взорвалась, забилась, покраснела от натуги и слезы полились рекой. Лешка стал хрипеть и, падая, схватился за ее шею, в волнах собственного оргазма не понимая, что хорошенько ее придушивает. А я видела, как покраснела под его руками ее шея, как она выгнулась и выпучила глаза. И когда на своей руке, застрявшей между их вздрагивающими агонизирующими телами я почувствовала теплую кровь, я наконец закрыла глаза и отдавалась оргазму. Мы оставили Сашку лежать в той же позе, и закрыв дверь переместились на кухню. Я достала хлеба с колбасой, разлила водку. Лешка молча жрал, выглядел удовлетворенным.

— А тебе, я гляжу, понравилось, — сказала я.

Леха поднял на меня мутные от водки глаза и ухмыльнулся.

— Бля, Лиска, какая баба! У меня такой цацы никогда не было.

Я улыбаться перестала. Не хватало еще поставить эту суку на пьедестал.

— И что в ней такого?

Леха пожал плечами.

— Красава. Кожа такая гладкая и белая. Да и рожа была бы ничего, если б ты ее о забор так не саданула.

Это нравилось мне все меньше и меньше. И я решила ему напомнить его место:

— Точно Леха, такая как она на тебя никогда бы не взглянула на улице, не то, чтобы дала. Так что радуйся, что попробовал лососинки, когда кильку всю жизнь жрал. Или ты думаешь, она тебя после траха зауважала? Мужика в тебе рассмотрела? Она тебя считает тварью ползучей, и всегда так считать будет.

Леха поднял на меня глаза:

— Я в курсе, Лиса. Не надо мне мозги ебать. Я не такой шустрый как ты, но я не конченный идиот и знаю, что это, возможно первый и последний раз, что мне так подфартило. И будь уверена, я собираюсь на всю этим попользоваться.

Я улыбнулась. В Лехе все же что-то было, что-то отчего мы так долго и поддерживали связь. И знал он мне как облупленную.

Он поднялся и бросил:

— Я отлить.

Я прибралась немного на кухне и закурила. Мы не просто так притащили Сашку сюда, у меня был план, хороший план, который, если выгорит, принесет мне много бабла. Так что мне нужно на этом и сосредоточиться. У меня был месяц, пока Сашку ее друзья из Колледжа не хватятся. Мало это или много — месяц, чтобы сломать человека? Меня сломали за две недели. Правду я была совсем соплячкой тогда. А эта взрослая 18-летняя деваха. Но я попробую...

Леха вернулся и присел рядом со мной на корточки, обнял и притянул к себе. В нос ударил запах немытого тела и гнилых зубов. Я прикрыла глаза, боясь, что меня затошнит. А он зашептал мне в ухо:

— Лиска, не кони на меня. Мы ж дружбаны с пеленок. Да и в трахе ни одна выхоленная сука рядом с тобой не стояла. — он стал меня целовать, запустив одну руку мне под майку. Лифчиков я не носила. Он крутанул сосок и больно вывернул мне голову, продолжая целовать. Я послушно играла с его языком, и этот его запах, грубые руки, почти меня возбудили. Если бы он только не конючил как слабак. Я оторвалась от его губ и просила насмешливо:

— Какого хрена Леха, у той девки три дырки, у тебя один хуй. Так чего ты ко мне лезешь, чего не хватает?

Леха резко меня оттолкнул, стул зашатался и я свалилась на пол, смеясь в голос. Он схватил бутылку со стола и двинул в большую комнату. Заработал телик. Поднявшись, я вышла покурить и проветриться. Уже была глубокая ночь. Тишина оглушала, никто ничего не видел и не слышал. Сегодня нам везло.

Вернувшись в дом, я подкинула еще полено в печку и, захватив свою сумку, пошла в спальню. Сашка все так лежала распластанная. Куда ж она денется? Лобок красиво блестел от Лехиной спермы, лицо от слез и крови. На сиськах начинали краснеть синяки, и клитор был подозрительно красен, видимо я хорошо пустила ей кровь. Если честно, в моих глазах она никогда лучше не выглядела.

Она старалась на меня не смотреть, но дернулась всем телом, когда я провела легонько по особенно большому синяку на сиське.

— Сашка, у тебя шикарные дойки. Мне б такие, — сказала я миролюбиво. Дура зажмурилась.

— Слушай, я не люблю со столбами разговаривать, так что я кляп достану. Но давай договоримся, если закричишь я тебе... м... ну скажем отрежу мочку уха. Сильно это тебя не попортит. Кому есть дело до ушей? Но будет больно. Наверное. Вообще-то я никогда это не

пробовала. Самой любопытно.

Я достала тряпку и помедлила, ожидая ее крика. Но она молчала. Молодца. Я присела на кровать рядом с ней.

— Ну, ты как?

— Ты издеваешься? — прошептала она. Я подозревала, что она охрипла от всех этих своих окриков за последние несколько часов.

— Я? Нисколько. Я предупреждала, что приятного будет мало, но что если будешь хорошей девочкой, то спокойно все переживешь. И вуя ля — ты жива здорова и даже глазенками гневно на меня стреляешь.

— Ты тварь. — выдавила она.

— Угу, а ты сука опущенная, приятно познакомиться. — продолжала я улыбаться.

— Больная на голову мразь, — продолжала она.

Я вздохнула.

— Знаешь, твои обзывалки — детский сад, конечно. Но вот только от тебя конкретно я их слышать не хочу. Попридержи язык, золотце.

— А то что?

Серьезно? Сучка начинала меня выбешивать. Повернувшись, я схватилась за ее опухший раненый клитор, другой рукой положив ей подушку на лицо. Она забилась и заорала, а я продолжала впиваться в разрушенную кожу. Оставив пизду в покое, я осторожно убрала подушку. Она рыдала уродливыми глубокими всхлипами.

— А то вот что. У нас, милая, конечно свобода слова и прочая хрень. Только имей ввиду, каждый раз открывая свой поганый рот, что я только рада, когда ты даешь мне повод поучить тебя манерам. Я поднялась и расстегнула сумку. Вынула нож. Сашка смотрела испуганно.

— Не дергайся, резать тебя я не собираюсь. — сказала я и, не сдержавшись, добавила. — Пока, по крайней мере.

— Я тебя освободить хочу — Сашка нахмурилась. — От одежды в смысле. — заржала я. — Лежи тихонько.

Я принялась срезать остатки одежды, оставляя ее лежать абсолютно голой. Достала влажные салфетки и протерла ее тело начисто, смывая кровь и сперму. Отвела волосы с лица и осторожно стала вытирать следы от слез и крови. У нее была рассечена бровь и губа, а на лбу красовалась большая уродливая ссадина. Я взяла антисептик и приложила к ранке. Она втянула воздух, и я легонько подула, чтобы так не пекло. Приклеила пластырь на рану.

— Ну вот и все, — сказала я, глядя сверху вниз на нее, — ты опять как новенькая. Все таки красивая ты, Сашка.

Я наклонилась и легонько коснулась ее губ своими.

— Что?... — начала она.

— Ты мне всегда нравилась, — перебила я ее вопрос. Она смотрела, не понимая, — В смысле как девушка, нравилась.

— Ты лесбиянка.

Я пожала плечами:

— Какая разница кого трахать? Вот тебя я хотела трахнуть много лет. Причем не только тело. У меня есть для тебя игрушки в знак моей привязанности, — улыбнулась я.

Я стала доставать из сумки секс игрушки, и она опять вся сжалась и затараторила:

— Алиса, не надо, пожалуйста.

— Ты чего? — удивилась я. — Это не больно. Даже приятно. И между прочим полезно в образовательных целях. Ты ж не хочешь, чтобы Леха распечатал тебе жопу без предварительной тренировки. А то гляди, я его могу прям ща позвать.

Она опять стала плакать, жалобно на меня глядя. Дура, ей богу, меня это только злило и возбуждало. Я достала пакет с анальными пробками разных размеров:

— Вот гляди сколько их тут, от мало до велико. Вот это средняя. Да, да, не вылупливай глаза это средняя. А вот это большая.

— Это не может влезть в... — пролепетала она умиленно.

— Солнце, может. И влезет! Имей веру немножко, — меня внезапно осенило. — Хочешь, продемонстрирую?

Я встала с кровати и спустила штаны с трусами. Смазав самую большую пробку, диаметром хорошо в мое запястье, я стала медленно вставлять ее себе в анал, повернувшись так, чтобы Сашке было видно. Та, на удивление, глядела, не отворачиваясь. Когда все было готово и пробка полностью скрылась в жопе, я повернулась к девке лицом:

— Ну вот видишь? И никакой драмы.

— Как? Ты что этим увлекаешься? — спросила она.

— Чем? — не поняла я, вынимая пробку.

— Ну, этим... садо-мазо, — прошептала она.

— А, — я подумала. — нет. Я просто люблю игрушки, а их правила мне по барабану. Ну да ладно, какую ты себе хочешь? Цени, я даю тебе самые маленькие. Какой цвет нравится?

Я достала из пакета пару штук и повертела у нее перед носом.

— Алиса, может не надо, — опять закончила она. Я со всей силы отвесила ей пощёчину. Дура опять заплакала.

— Вот так всегда, — сказала я зло, — хочешь человеку помочь, а он тебя ни во что ни ставит. Я вынула двусторонний кляп в виде члена. И коротким концом стала запикивать его Сашке в рот. — Не можешь поддерживать цивилизованную беседу, привыкай к хую в глотке, сука.

Когда дело было сделано, я застегнула ремешки у нее на голове и погладила другой конец кляпа с большим членом. Размерчик не слишком велик, но без смазки должен сойти. Я глядела с каким трудом Сашке бороться с рвотным инстинктом от резиновой хрени теребящей ей глотку.

— Ты поосторожней. Снимать эту хрень не так-то просто. Если тебя вырвет, кляп нужно будет снять очень быстро, иначе ты захлебнешься в собственной блевотине. Не уверена, что я сделаю это достаточно быстро. Так что дыши через нос и привыкай.

Это ее проняло, она послушно засопела через нос. Я тем временем выбрала анальную пробку моего любимого черного цвета. На два размера больше чем я изначально хотела. Я покрутила ее перед девкиным носом.

— Видишь, дура, что значит злить меня. В следующий раз скажи спасибо и заткнись.

Правда я решила все же смазать ее. Жопа у нее была такая девственная, узкая, что казалось, иголка не пролезет. Сколько я не тыкалась пробкой, ничего не помогало, дырка не сдавал свои позиции. Но на этот случай я знала один трюк, который когда-то испытала на себе. И он действовал. Я достала сигарету и закурила, сидя верхом на Сашке. Она глядела растеряно.

— Хочешь затянуться? — просила я, наклонившись к ее лицу. — Ах, у тебя ж рот хуем занят. Извини, забыла.

Она еще обрабатывала мои слова, когда я быстро притушила сигарету об ее сосок. Она

взвывала. Времени было в обрез, я резко повернулась и надавив со всех силенок вставила в ее расслабившийся анус многострадальную пробку. Девку трясло. Я только надеялась, что она не блевонет от боли, уж очень не хотелось снимать кляп. Через пять минут она затихла, лишь всхлипывая. Что ж, похоже рвотный рефлекс не будет проблемой. Между тем сосок распух и воспалился.

— Сама виновата. Учись мышцы расслаблять. Я же предупреждала, я свое все равно возьму. Так или иначе.

У меня было впечатление, что она почти в отключке и меня не слышит. Ну да ладно. Я достала из сумки вибратор и без смазки вставила ей в пизду. Зашел без проблем, там еще было полно Лехиной спермы. Включила его, пусть девка разогревается.

Я встала с кровати и опять ее оглядела. Бля, Леха был прав, девка охренительная. Я окончательно стянула болтающиеся штаны и труселя. Оставила только майку. Забралась на кровать и села, так, что ее голова была между моих ног. Одной рукой держась за железное изголовье кровати, а другой поддерживая резиновый член, я стала медленно насаживаться. Стенки раскрылись, и смазка после последнего оргазма помогла процессу пойти как по маслу. Я стала медленно двигаться вверх и вниз. Сашкины руки рядышком были сжаты в кулачки. Небось, первый раз ее так пользовали, безлично и безразлично. Мысль меня завела, но этого было недостаточно. Мелкое возбуждение могло длиться для меня часами, а в таком положении у меня силенок не хватит долго трахаться. Наклонившись я подобрала кроткую веревку и закинув Сашкину голову в петлю привязала ее к изголовью. Теперь она с трудом отрывала голову от подушки больше чем на 5—10 см. Зато я смогла развязать ей руки. Зачем? Она стала сопротивляться. Биться, царапаться. Я не отбивалась, мне было это нужно, возбуждение быстро росло, я чувствовала что скоро смогу кончить. Наконец, видимо, она решила мне отплатить и, просунув руку мне между ног, нашла мой клитор и сжала. Силенок как у котенка, но этого хватило. Резкая боль отозвалась во всем теле, пизда была в огне. А она все сжимала, и наконец, я кончила.

Свалившись с кровати на пол, я минут пять приходила в себя. Наконец поднявшись, я разглядела, что Сашка уже почти сняла клят и все пытается ослабить петлю на шее. На что она надеялась, пытаясь это сделать? Уйти отсюда с гордой рожей? Я вытащила ремень из своих джинсов, и сиганули ей поперек сисек. Сашка вскинула руки.

— Руки просунь в петли. — сказала я спокойно. Она не шевельнулась. Я стала бить еще и еще. Через пять минут ее грудь и руки были ярко красными, но она все еще закрывалась руками.

— Чем дольше ты тянешь, тем больше будет.

Я сиганула ее особенно сильно по ожогу на соске. Сашка взвывала.

— Руки в петли! — рыкнула я. На этот раз она послушно развела руки и рыдая ждала, пока я затягивала петли на каждой из рук. После чего распустила петлю с горла и сняла кляп. Она молча плакала с закрытыми глазами. Я собрала игрушки обратно в сумку. Проверила анальную пробку и поставила вибратор на максимум. Потушив свет, я пошла спать.

Утром меня разбудил скрип кровати. Дверь в спальню была открыта. Леха без премудростей пыхтел над Сашкой. Видимо утренний стояк замучил. Я свалила на кухню и заварила чай. Вышла отлить. Покурила, подождала. Скрип кровати было чуток слышно со стороны заколоченного окна. Надо иметь ввиду. Когда он прекратился, я отправилась назад. И у порога наткнулась на деда.

Мы молча глядели друг на друга. Дед был как дед, седые волосы высывались из под

ушанки, короткая неопрятная борода. Одет был как на рыбалку, да и ведро держал. Твою мать.

— Здравсте, — первым нарушил он молчание.

— Здравсте дедушка, — улыбнулась я, аккуратно проверил свои карманы. Финку я оставила дома. Бля.

— Какими судьбами в нашем кооперативе? — спросил он спокойно.

— Приехали с другом отдохнуть от городской суеты. Вот порыбачить может быть. — кивнула я на его ведро.

Дед покосился на дверь и та почти сразу открылась. Мы оба вздрогнули. Леха стоял на пороге, держа одну руку за собой, видимо услышал наш разговор. И тут вдруг улыбнулся.

— Дядь Коля здорова, сколько лет сколько зим.

Дед прищурился и вдруг расслабился.

— Алексей? Ну ты и вырос.

Оказалось, они друг друга знали сто лет. То да се, перекинулись обычными фразами, вспомнили Лехину бабуку, пожали лапы и дед потопал восвояси. А у меня что-то зудело.

— Что он за мужик? — просила я Леху.

— Дед как дед. Правда мне бабка всегда говорила от него подальше держаться. Не знаю че. Но не думаю, что будут проблемы. Да и его дом последний на улице, оттуда не наслушаешься. Ладно, холодно, зараза, я в дом.

Леха хлопнул дверью, а я открыла калитку и вышла на улицу. Дед стоял метрах в пятидесяти и смотрел на меня, не отрываясь. Его глаз я разглядеть не могла. Но это появившееся вдруг чувство, будто змея ползет по твоей коже, мне было хорошо знакомо. Дед что-то знал. И дед был не прост.

Думаю, удача наша кончилась.